

Ж.І. Есімхан*Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
Астана, Казахстан* <https://orcid.org/0000-0002-2728-3499>email: esimkhan80@gmail.com**З.Ж. Калмурзина***Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре РК
Косшы, Казахстан* <https://orcid.org/0009-0006-2716-7486>email: 06.03.78z@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ ЛЕКСИКИ В ТЮРКСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ VII–XII ВВ.

Аннотация. В статье представлены семантические аспекты юридической лексики тюркских письменных памятников VII–XII вв. в контексте когнитивно-лингвистического и семантического подходов. Цель исследования заключается в выявлении структуры и функций правовой лексики, а также в реконструкции правовой картины мира древнетюркских обществ. Объектом анализа выступают тексты Орхоно-Енисейских надписей, «Кутадгу билиг» и «Диван лугат ат-турк», отражающие различные этапы развития правового мышления. В работе используются лексико-семантический, контекстуальный, сравнительно-исторический и когнитивный методы исследования. Особое внимание уделяется концепту *törü* как ключевому элементу правовой системы, объединяющему значения закона, порядка и нормы. Показано, что юридическая лексика формирует систему взаимосвязанных семантических групп, включающих категории власти, справедливости, ответственности и управления. Установлено, что право в раннетюркском обществе функционировало как часть общего социального и космологического порядка, а в более поздних памятниках приобретает нормативно-оценочный характер. В результате исследования выявлена диахроническая эволюция правовой семантики от сакрализованного понимания порядка к рационализированному и аксиологическому осмыслению права. Сделан вывод о том, что юридическая лексика тюркских письменных памятников представляет собой самостоятельный источник для изучения истории права и правовой культуры Евразии. Исследование также позволяет проследить

взаимосвязь языка и правового сознания в древнетюркской культуре, где юридические понятия выступали отражением общественных ценностей и норм поведения. Анализ памятников показывает, что правовая лексика выполняла не только регулятивную, но и мировоззренческую функцию, закрепляя представления о власти, общественном порядке и моральной ответственности. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях по исторической семантике, тюркологии и истории правовой культуры.

Ключевые слова: древнетюркская лексика; *törü*; правовая семантика; семантические группы; когнитивная лингвистика; тюркские памятники; правовая картина мира.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

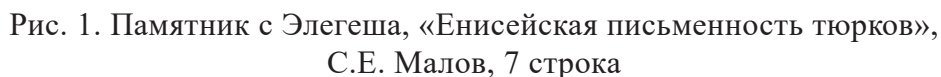
Дата поступления: 12.05.2026

Дата принятия: 26.08.2026

Введение

В современной гуманитарной науке право всё чаще рассматривается не исключительно как система формально закреплённых нормативных актов, а как культурно обусловленная система значений, формирующаяся и воспроизводимая в языке. Согласно положениям когнитивной лингвистики, языковое значение отражает процессы концептуализации социальной реальности и фиксирует коллективные представления общества о мире. В этом контексте правовые категории выступают не только юридическими конструкциями, но и элементами правовой картины мира, закреплёнными в языковом сознании (Tural, 2018, с. 203–209).

Тюркские письменные памятники VII–XII вв. представляют собой один из наиболее ранних и целостных корпусов источников, отражающих процессы становления государственности и правовой культуры народов Центральной Евразии. Орхоно-Енисейские надписи, «Кутадгу билиг», «Диван лугат ат-турк» и дидактические тексты XII века фиксируют представления о легитимности власти, долге правителя, социальной ответственности и санкциях за нарушение установленного (Малов, 1952, с. 26–27). См. Рисунок 1:

Настоящее исследование направлено на восполнение данного пробела посредством семантического анализа юридических лексем тюркских письменных памятников VII–XII вв., что позволяет реконструировать правовую картину мира тюркских обществ раннего и средневекового периода и определить место права в системе их культурных ценностей.

Материалы и методы

Несмотря на наличие значительного числа работ, посвящённых древнетюркским памятникам и общим вопросам правовой культуры, большинство исследований сосредоточено либо на филологическом описании текста, либо на историко-культурной интерпретации. Комплексное изучение юридической лексики как целостной семантической системы, отражающей правовую картину мира тюркских обществ VII–XII вв., до настоящего времени не стало самостоятельным направлением. Данное обстоятельство и определяет научную новизну настоящего исследования.

Исследование формируется на основе корпуса тюркских письменных памятников VII–XII вв., различающихся по жанру, функциональному назначению и коммуникативной установке. Специфика данного корпуса заключается в отсутствии специализированных правовых текстов в современном понимании, вследствие чего юридически значимая информация представлена имплицитно – через политико-мемориальные, дидактические, поучительные и лексикографические формы (Li Tang, 2005, с. 81). Следовательно, анализ источников ориентирован не на поиск формализованных норм, а на выявление устойчивых семантических структур, отражающих способы концептуализации права, власти, ответственности и справедливости.

Например, сопоставление употреблений *törü* в орхонских надписях и в «Кутадгу билиг» позволяет выявить переход от сакрализованного понимания порядка к более нормативному.

Методологическую основу исследования составляет комплекс взаимодополняющих методов, обеспечивающих системное изучение юридической лексики. Лексико-семантический анализ применяется для выявления значений правовых лексем, их семантических компонентов и особенностей функционирования в тексте. Посредством данного метода были выделены основные семантические группы юридической лексики: норма и порядок, власть и управление, справедливость и легитимность, обязанность и ответственность. Контекстуальный анализ использовался для определения функций правовых лексем в конкретных фрагментах памятников, а также для выявления устойчивых формул и способов выражения нормативности. Сравнительно-исторический метод позволил сопоставить функционирование ключевых правовых концептов в памятниках разных исторических периодов и проследить изменения их семантики. Когнитивный анализ направлен на реконструкцию правовых концептов как элементов коллективного сознания и правовой картины мира тюркских обществ. Использование комплекса

указанных методов обеспечило возможность рассмотреть юридическую лексику древнетюркских памятников не только как совокупность терминов, но и как отражение социально-политических и культурных представлений эпохи.

Результаты и обсуждение

С.Г. Кляшторный в своих работах подчёркивает, что орхоно-енисейские памятники отражают идеологию раннетюркской государственности, в центре которой находится представление об установленном порядке, обеспечивающем целостность государства и народа. «Традицию, сохранившую через два столетия память о минувших событиях, можно было бы назвать скорее эпической, нежели исторической, если бы за лаконичным текстом памятника не чувствовался отзвук больших общественных потрясений, а в размеренном ритме былинного повествования не проступала столь отчетливо патетика политической декларации, прославляющей то новое социальное устройство, которое дали «тюркскому народу» далекие предки царствующего кагана. Божественная воля, проявлением которой является власть кагана, верность кагану бегов и народа, подчинение народа бегам, таков лейтмотив идей, пронизывающих обе надписи, таковы основные условия существования «вечного эля» (Кляшторный, 2003 с. 62). На основе чего можно заключить что понятие *törü* в данных текстах выступает как норма, имеющая обязательный и сакрализованный характер, нарушение которой воспринимается как подрыв основ общественного бытия. Установление – как закон тюркского народа. Эти наблюдения позволяют рассматривать соответствующую лексику не просто как политическую, но и как юридически значимую (Малов, 1951, с. 26–27). См. Рисунок 2:

- (1) Ўзә ққк тәңрі асра јағыз жір қылынтукда, әкін ара кісі оғлы қылымыс². Кісі оғлынта ұзә ачұм апам Бумын қаған Істәмі қаған олурмыш. Олурыпан түрк будуның ілін тбр(ұс)ін тута бірміс іті бірміс.
- (1) ✦ Когда было сотворено (или возникло) вверху голубое небо (и) внизу темная (букв.: бурая) земля, между (ними) обоими были сотворены (или: возникли) сыны человеческие (т. е. люди). Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган. Сев (на царство), они поддерживали и устраивали племенной союз и установления тюркского народа.

Рис. 2. Памятник в честь Кюль-Тегина «Памятники древнетюркской письменности», С.Е. Малов, 13 строка Большой надписи

П.М. Мелиоранский считает, что *эль* означает государственное устройство и самостоятельную государственную жизнь, однако это государство не западного типа, а государство кочевое. Он отмечает *эль* есть первоначально группа племён («обыкновенно однородных или близких другъ къ другу этнографически»), которая пользуются самостоятельностью и составляют одно политическое целое – кочевое государство (Мелиоранский, 2006, с. 82). Слова *төр*, *төрү*, по мнению тюрколога, означают проявление власти хана, кагана: «Въ примененіи къ хану «төрү» значить а) решение, постановляемое ханомъ при различныхъ тяжбахъ и столкновеніяхъ, б) просто «ханская правительственная власть», ... «эль төрү» власть хана в государстве» (Шаймердинова, 2011, с. 26).

Подход к юридической лексике как к системе предполагает её описание не перечнем отдельных слов, а как совокупности взаимосвязанных семантических групп, отражающих устойчивые области социального регулирования: норма / порядок, власть / управление, справедливость / судебность, обязанность / принуждение, социальная ответственность / легитимность. Такой ракурс соответствует когнитивной установке: значение слова и его правовая нагрузка раскрываются через его место в концептуальной системе культуры и через повторяемые текстовые ситуации. Для древнетюркского материала это особенно важно, поскольку правовые значения здесь часто синкретичны и реализуются в политико-мемориальном и дидактическом дискурсе.

Современные исследования рунического корпуса показывают, что социально-политическая лексика (включая нормативно окрашенные термины) формирует устойчивые кластеры и повторяющиеся формулы, которые могут быть описаны как семантические группы слов; в частности, в работах по терминологии надписей Кюль-тегина отмечается необходимость семантической и функциональной типологии ключевых слов (социальных, политических, нормативных). В более широком историко-филологическом контексте *törü* регулярно интерпретируется как комплекс закон / обычай / нравственный порядок, закрепляющий модель должного. Эта линия хорошо согласуется с подходами, где *el – törü – qut* описываются как базовые элементы древнетюркского концепта правления. Ниже предлагается систематизация материала по ключевым группам с примерами из иных фрагментов.

1) «Норма – порядок – закон»

Ключевым маркером нормативности выступает *törü* – не просто закон, а установленный / поддерживаемый порядок. Важно, что в рунических текстах право (*törü*) может показываться не как абстрактный кодекс, а как режим правильного устройства государства, который можно установить, поддерживать, восстановить или утратить.

Показательна формула о нормотворческой, то есть упорядочивающей функции власти в повествовании о *держании страны* и её устройстве: (Малов, 1951, с. 30, 37, 38).

(13) *jāti jūz āp bolmys². Jāti jūz āp болын ālsirāmis (ālsirāmis) қағансы-
рамыс² будунығ, кұңадміс куладмыс² будунығ, тұрк тōrūsūn ыңғын-
мыс² будунығ, āčūm апам тōrūsінчā жаратмыс², бошқурмыс², tōlis,
тардуш (будунығ, анта ātmīš).*

(13) стало (уже) семьсот мужей. Когда (их) стало семьсот мужей, то он привел в порядок и обучил народ, утративший свой «эль» (*т. е.* свое независимое государственное устройство) и своего кагана, народ,

сделавшийся рабынями и сделавшийся рабами (у табгачей), упразднивший (свои) тюркские установления, (этот-то народ) он привел в порядок и наставил по установлениям моих предков, тогда же он дал устройство народам тēлис и тардуш

Рис. 3. Памятник в честь Кюль-Тегина «Памятники древнетюрской письменности», С.Е. Малов., 13 строка Большой надписи

Здесь правовая семантика реализуется через семантическую группу «правление → устройство порядка»: *tōrū* выступает как результат (и одновременно критерий) правильного правления. По сути, закон или порядок здесь не отделён от политической организации: он мыслится как то, что делают, когда «держат государство».

Особый интерес представляет место, где право показано как объект политического захвата или утраты, то есть закон мыслится как атрибут государственности, который может быть «отнят»: Перевод в источнике: «...упразднивший свои тюркские установления (закон/порядок своего государства)» (Малов, 1951, с. 38). Этот фрагмент концептуально важен: он показывает, что *tōrū* в коллективном сознании не «моральный фон», а системная основа суверенности: утрата порядка/закона описывается как часть политической зависимости. Юридическая лексика в руническом дискурсе выполняет функцию описания государственности через нормативность.

Наконец, правовой смысл может маркироваться через «возвращение / восстановление собственного порядка»: «...так я сам стал хаканом, я тюркский народ не сделал государством (не восстановил или не вернул тюркский порядок) ...» (см. 36 строка Памятник хану Могилянцу) (Малов, 1959, с. 22). Таким образом, ядро группы «норма – порядок – закон» раскрывается через три типовых ситуации: установление, утрата или передача, восстановление порядка. Это позволяет в

дальнейшем описывать *tōrū* как метаконцепт, организующий правовую картину мира ранних тюрков.

2) «Власть – управление – административная иерархия»

Юридическая семантика в памятниках тесно связана с лексикой управления: право не автономно, оно существует как «порядок правления» и как язык легитимной власти. На уровне номинаций это проявляется в устойчивом перечислении управленческих титулов и носителей властных функций (Малов, 1951, с. 27, 36).

- (3) іді оксыз кѡк тѣрк (іті) анча олуруп āрміс. Біл(г)ā қаған āрміс, али қаған āрміс, бујурукы jāмā билгā āрміс āрінч, алл āрміс āрінч; бāглāрi jāмā будуны jāмā тѣз āрміс. Аны ўчўн ilig анча тутмыс¹ āрінч, ilig тутып тѡрўг itміс. Ōzinchā (? ōz ынча, ōzi анча?)
- (3) обитали (восседали), устраивая «голубых» тюрков, которые были (тогда) без господина и без родовых представителей. Они были мудрые каганы, они были мужественные каганы, и их «приказные» были мудры, были мужественны, и их правители и народ были прямы (*т. е.* верны кагану). Поэтому-то они столь (долго) держали (в своей власти) племенной союз и, держа его (в своей власти), творили суд. (Затем)

Рис. 4. Памятник в честь Кюль-Тегина «Памятники древнетюрской письменности», С. Е. Малов, 3 строка Большой надписи

Пример важен не как перечисление должностей, а как иллюстрация того, что правовой порядок реализуется через институты управления, а не «сам по себе». Наличие отдельных групп титулов и адресатов речи указывает на развитую структуру властной коммуникации: правитель артикулирует норму и призывает «слышать и исполнять» что приближает этот дискурс к ранней форме публично-правового обращения.

Современная терминологическая работа с лексикой надписей Кюль-тегина как раз показывает, что такие группы слов следует анализировать как семантические комплексы власти / управления, где социально-политические термины образуют системный слой. В методологическом плане это поддерживает ваш тезис о необходимости именно группового описания.

3) «Справедливость – правильность – нормативная легитимация»

Если рунический корпус показывает право как государственно-идеологический «порядок», то дидактическая традиция Караханидского периода усиливает идею нормативной оценки правителя через справедливость и правильность исполнения порядка.

В исследовательской традиции «Кутадгу билиг» часто трактуется как текст, где *töre* / *törü* осмысливается через справедливость (*könilik* / *adl*) и правильное управление:

*И, чтобы крепить свою власть год за годом,
Закон, а не силу поставь над народом.
Где беком надежный закон утвержден,
Страна там в поре благодатных времен.
Насилие – пламя, что насмерть сожжет,
Закон – это благо живительных вод!*

Показателен фрагмент, где исполнение *töre* прямо связывается с правомерностью и устойчивостью власти: власть стоит (держится) на *töre* – закон (Баласагуни, 1990, с. 1435, 2017, 2032). Концептуально это означает: право не просто «дано» – оно должно осуществляться справедливо, иначе легитимность власти разрушается. Для статьи это ключевой мост между «сакрально-государственным» пониманием порядка в рунических памятниках и «нормативно-этическим» пониманием права в караханидской мысли.

Здесь право выступает как антипод произвола: *törü* противопоставлено *küç* (силовому, разрушительному принуждению). Это даёт вам сильный теоретический вывод: в тюркской традиции право концептуализируется как порядок, который ограничивает произвол власти, а не обслуживает его.

4) «Официальность – распоряжение – приказ / указ» (нормативность как форма публичного обращения)

Даже в руническом корпусе видна коммуникативная модель властного слова как формы нормирования поведения: правитель говорит, перечисляет адресатов, требует слышать и следовать. Это можно рассматривать как раннюю форму официального дискурса, где языковая формула создаёт эффект обязательности. Наличие устойчивых клише обращения (*слушайте / внимайте / не нарушайте*) и адресации к управленческой элите усиливает публично-правовую природу текста.

Эта идея согласуется с более широкими исследованиями официально-делового и правового слоя древнетюркских письменных памятников (в том числе на материале деловой документации), где подчёркивается необходимость изучения юридического языка как отдельного стилевого и дискурсивного феномена. «Целый ряд актов о податях и повинностях. Несколько документов даны взамен утраченных подлинных бумаг на владение землей. Есть духовные

завещания, разные хозяйственные записи и прочие. Видно, что время уже успело выработать юридические термины и выражения...» (Малов, 1951, с. 200].

Семантический анализ показывает, что юридическая лексика тюркских памятников VII–XII вв. образует связанную систему, где:

- *törü* (норма / порядок) является ядром правового универсума и описывается через сценарии «установление – утрата – восстановление»;
- власть и управление задают институциональный каркас реализации нормы (*qaγan / beg / buyruq / tarkan* и др.);
- дидактическая традиция усиливает нормативную оценку власти: право связывается со справедливостью и противопоставляется произволу (*küç*);
- юридическая нормативность проявляется как дискурс обязательности, приближая древнетюркские тексты к пониманию права как языковой практики.

В орхонских текстах базовый концепт *törü* функционирует как универсальная категория, обозначающая установленный порядок бытия. Право в данном контексте не обладает автономией и интегрировано в целостную систему социального и космологического устройства. Формулы, фиксирующие установление и сохранение *törü*, отражают представление о правителе как носителе и гаранте порядка. Таким образом, доминирует охранительная модель права, ориентированная на поддержание стабильности и целостности общества.

В караханидской традиции XI–XII вв. наблюдается качественное усложнение правовой семантики. Сохраняя базовый концепт *törü*, тексты вводят дополнительные категории, связанные со справедливостью (*adl*) и рациональностью управления. В результате право начинает интерпретироваться не только как существующий порядок, но и как объект оценки. Это свидетельствует о переходе от онтологического к аксиологическому пониманию права.

Данный сдвиг отражает формирование представления о праве как ограничителе власти. В отличие от ранних текстов, где порядок и сила могут сосуществовать, в более поздней традиции сила осмысливается как легитимная лишь при её соотнесённости с нормой. Это указывает на зарождение идеи надличностного нормативного порядка, обладающего приоритетом по отношению к субъекту власти.

Сопоставительный анализ историко-публицистических и древнетюркских источников позволяет выявить общую закономерность: развитие общественного сознания сопровождается усложнением представлений о справедливом порядке. В военном дискурсе это проявляется в расхождении между подвигом и признанием, в культурном – в устойчивости духовных практик, в правовом

– в переходе от сакрализованных форм к рационализированным и оценочным моделям.

Таким образом, героизм, культура и право выступают взаимосвязанными элементами единой когнитивной модели социального мира. Эволюция юридической лексики тюркских письменных памятников отражает не только изменение языковых форм, но и процесс становления правового сознания как особого способа интерпретации социальной реальности.

Заключение

В результате рассмотрения материалов установлено, что юридическая лексика тюркских памятников не представляет собой разрозненный набор слов с нормативным значением, а образует целостную семантическую систему, организованную вокруг устойчивых правовых концептов. Центральное место в данной системе занимает концепт *törü*, функционирующий как концепт установленного порядка. Его семантика включает представления о правильном устройстве общества, легитимности власти и обязательности нормы.

Предлагается путь решения задачи выявления структурной организации юридической лексики. Показано, что она формируется в виде взаимосвязанных семантических групп: норма и порядок, власть и управление, справедливость и легитимность, судебность и ответственность, обязанность и возмещение. Эти группы не изолированы, а образуют единую концептуальную сеть, отражающую интегральную правовую картину мира тюркских обществ.

В ходе диахронического анализа предлагается к рассмотрению то что в период VII–VIII вв. право осмысливается преимущественно как сакрализованный порядок бытия, связанный с космологическими и государственно-идеологическими представлениями. В памятниках XI–XII вв. выявляется качественный сдвиг к нормативно-этическому осмыслению права, при котором установленный порядок начинает соотноситься с категориями справедливости, разумного управления и личной ответственности правителя. Тем самым зафиксирован переход от онтологического к аксиологическому пониманию права.

Установлено, что эволюция юридической семантики носит не прерывистый, а наслаивающийся характер: базовые концепты сохраняются, однако их смысловая структура усложняется за счёт включения новых оценочных и рефлексивных компонентов. Это свидетельствует о внутренней логике развития тюркской правовой традиции.

На материале тюркских письменных памятников VII–XII вв. юридическая лексика рассмотрена как объект когнитивно-семантического анализа, что

позволило реконструировать правовые концепты как элементы коллективного сознания. Тем самым сделана попытка решения задачи перехода от описательного к объяснительному уровню анализа. Теоретическая значимость исследования заключается в развитии представлений о юридической лингвистике и исторической семантике, а также в расширении методологического инструментария тюркологии. Практическая значимость состоит в возможности использования результатов при разработке курсов по истории тюркской культуры, истории права, юридической лингвистике и при создании учебных пособий и словарей.

Список использованной литературы

- Баласагуни Юсуф. Благодатное знание. Перевод С.Н. Иванова. Вступ. статья М.С. Фомкина. Примечания А.Н. Мелеховой. Ленинград: Советский писатель, 1990. 560 с.
- Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2003. 560 с.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Москва – Ленинград: АН СССР, 1951. 452 с.
- Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков; Академия наук СССР. Москва – Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1952. 114 с.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии; Академия наук СССР; Ин-т языкознания; отв. ред. Е.И. Убрятова. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1959. 111 с.
- Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-тегина. Санкт-Петербург, ЗВОРАО, 2006.
- Шаймердинова Н.Г. Семантические толкования текстов Орхонских памятников в переводах П.М. Мелиоранского // Тезисы международного симпозиума «Тюркский мир: история и современность». Астана: Евразийский национальный университет имени Л. Гумилева, 2011.
- Li Tang (2005). History of Uyghur Religious Conversions (5th–16th Centuries). *Asia Research Institute. Working Paper Series*, 44, 81 p.
- Ozyetgin, A. (2014). *Land Law in Pre-Islamic Uyghurs*. Otuken Publications.
- Tural, A. (2018). The analysis of Kutadgu Bilig in terms of values education. *European Journal of Educational Research*, 7(2), 203–209.

References

- Balasaguni Yusuf. (1990). *Blagodatnoe znanie* [The Blessed Knowledge / Kutadgu Bilig]. Transl. by S.N. Ivanov; Introductory article by M.S. Fomkin; Notes by A.N. Melekhova. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. (in Russ.).
- Klyashtornyy, S.G. (2003). *Istoriya Tsentral'noi Azii i pamyatniki runicheskogo pis'ma* [History of Central Asia and runic monuments]. Saint-Peterburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU. (in Russ.).
- Li Tang. (2005). History of Uyghur Religious Conversions (5th – 16th Centuries). *Asia Research Institute. Working Paper Series*, 44. 81 p.
- Malov, S.E. (1951). *Pamyatniki drevnetyurkskoi pis'mennosti* [Monuments of Old Turkic writing]. Moskva – Leningrad: AN SSSR. (in Russ.).
- Malov, S.E. (1952). *Eniseiskaya pis'mennost' tyurkov* [Yenisey Turkic inscriptions]. Moskva – Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR. (in Russ.).
- Malov, S.E. (1959). *Pamyatniki drevnetyurkskoi pis'mennosti Mongolii i Kirgizii* [Monuments of Old Turkic writing of Mongolia and Kyrgyzstan]. Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (in Russ.).
- Melioranskii, P.M. *Pamyatnik v chest' Kyul'-tegina* [The monument in honor of Kül Tegin]. Saint-Petersburg: ZVORAO, 2006. (in Russ.).
- Ozyetgin, A. (2014). *Land Law in Pre-Islamic Uyghurs*. Otuken Publications.
- Tural, A. (2018). The analysis of Kutadgu Bilig in terms of values education. *European Journal of Educational Research*, 7(2), 203–209.
- Shaimerdinova, N.G. (2011). *Semanticheskie tolkovaniya tekstov Orkhonskikh pamyatnikov v perevodakh P.M. Melioranskogo* [Semantic interpretations of Orkhon texts in the translations of P.M. Melioransky]. Astana: Gumilev ENU. (in Russ.).

Ж.І. Есімхан

*Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
Астана, Қазақстан*

З.Ж. Қалмурзина

*Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы
Құқық қорғау органдары академиясы
Қосшы, Қазақстан*

VII–XII ҒАСЫРЛАРДАҒЫ ТҮРКІ ЖАЗБА ЕСКЕРТКІШТЕРІНДЕГІ ҚҰҚЫҚТЫҚ ЛЕКСИКАНЫҢ СЕМАНТИКАЛЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ

Аңдатпа. Мақалада VII–XII ғасырлардағы түркі жазба ескерткіштеріндегі құқықтық лексиканың семантикалық аспектілері когнитивтік-лингвистикалық және семантикалық өріс тұрғысынан қарастырылады. Зерттеудің мақсаты – құқықтық лексиканың құрылымы мен қызметін анықтау, сондай-ақ көне түркі қоғамының құқықтық дүниетанымын қайта жаңғырту. Зерттеу нысаны ретінде Орхон-Енисей жазбалары, «Құтадғу білік» және «Диуани лұғат ат-түрк» мәтіндері алынды. Жұмыста лексика-семантикалық, контекстуалдық, салыстырмалы-тарихи және когнитивтік әдістер қолданылды. Ерекше назар заң, құқық, тәртіп және норма мағыналарын біріктіретін *törü* концептісіне аударылады. Құқықтық лексика билік, әділет, жауапкершілік және басқару сияқты семантикалық өрістер жүйесін қалыптастыратыны анықталды. Зерттеу нәтижелері ерте түркі қоғамында құқықтың әлеуметтік және космологиялық тәртіптің құрамдас бөлігі ретінде қызмет еткенін, ал кейінгі кезеңдерде нормативтік-бағалау сипатқа ие болғанын көрсетті. Сонымен қатар құқықтық семантиканың сакралды түсініктен рационалдық және аксиологиялық деңгейге дейінгі диахрониялық эволюциясы айқындалды. Қорытындылай келе, түркі жазба ескерткіштеріндегі құқықтық лексика Еуразиядағы құқық тарихы мен құқықтық мәдениетті зерттеудің дербес дереккөзі болып табылады. Зерттеу сондай-ақ көне түркі мәдениетіндегі тіл мен құқықтық сананың өзара байланысын айқындауға мүмкіндік береді, мұнда құқықтық ұғымдар қоғамдық құндылықтар мен мінез-құлық нормаларының көрінісі ретінде қарастырылады. Жазба ескерткіштерді талдау құқықтық лексиканың тек заң мен құқықтарды реттеушілік қана емес, сонымен қатар дүниетанымдық қызмет атқарғанын, билік, қоғамдық тәртіп және моральдық жауапкершілік туралы түсініктерді бекіткенін көрсетеді. Алынған нәтижелер тарихи семантика, түркітану және құқықтық мәдениет тарихы салаларындағы болашақ зерттеулерде қолданылуы мүмкін.

Түйінді сөздер: көне түркі лексикасы; *törü*; құқықтық семантика; семантикалық өрістер; когнитивтік лингвистика; түркі ескерткіштері; құқықтық дүниетаным

Zh.I. Yesimkhan

L.N. Gumilyov Eurasian National University

Astana, Kazakhstan

Z.Zh. Kalmurzina

Law Enforcement Academy

under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan

Kosshy, Kazakhstan

SEMANTIC ASPECTS OF LEGAL LEXIS IN TURKIC WRITTEN MONUMENTS OF THE 7th–12th CENTURIES

Abstract. The article examines the semantic aspects of legal lexis in Turkic written monuments of the 7th–12th centuries from cognitive-linguistic and semantic perspectives. The aim of the study is to identify the structure and functions of legal lexis and to reconstruct the legal worldview of early Turkic societies. The research material includes the Orkhon-Yenisei inscriptions, Kutadgu Bilig, and Dīwān Lughāt al-Turk, representing different stages in the development of legal thought. The study employs lexico-semantic, contextual, comparative-historical, and cognitive methods. Special attention is paid to the concept of *törü* as a key element of the legal system, encompassing the meanings of law, order, and norm. It is shown that legal lexis forms a system of interconnected semantic groups comprising the categories of power, justice, responsibility, and governance. The findings demonstrate that in early Turkic society, law functioned as part of a broader social and cosmological order, whereas in later monuments it takes on a normative and evaluative character. The study reveals a diachronic evolution of legal semantics from a sacralized understanding of order to a rationalized and axiological interpretation of law. It is concluded that the legal lexis of Turkic written monuments constitutes an independent source for studying the history of law and legal culture in Eurasia. The study also makes it possible to trace the relationship between language and legal consciousness in early Turkic culture, where legal concepts reflected social values and norms of behavior. An analysis of the monuments shows that legal lexis performed not only a regulatory but also a worldview function, reinforcing notions of power, social order, and moral responsibility. The findings may be used in further research on historical semantics, Turkic studies, and the history of legal culture.

Keywords: Old Turkic lexis; törü; legal semantics; semantic groups; cognitive linguistics; Turkic monuments; legal worldview

Вклад авторов

Есімхан Ж.І. – концептуализация, формальный анализ, методология, письмо – обзор и редактирование.

Калмурзина З.Ж. – методология, программное обеспечение, письмо – первоначальный проект.